

355687

ЮНЫЕ ГЕРОИ

ОГИЗ
САРОБЛГИЗ
1942

ДРУЗЬЯ И ПОМОЩНИКИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И ПАРТИЗАН

(Вместо предисловия)

Деревня N была захвачена врагом.

Каждый вечер, когда начинало смеркаться, из деревни, крадучись, выходили трое ребят с мешками за спиной. Дойдя до леса, они внимательно осматривались вокруг и исчезали в чаще. Извилистыми, запутанными тропками пробирались они на лесную полянку, где, защищенный высокой стеной деревьев, скрывался партизанский отряд.

Суровые, загорелые люди приветливо встречали гостей. Те снимали с плеча мешки и доставали свежий хлеб, молоко, сало и другие продукты.

— Ешьте, товарищи,—говорили они партизанам,—мы еще вам принесем!

А когда бойцы кончали свой недолгий ужин, ребят подзывал начальник отряда, и в темноте слышался шопот: «Танки... снаряды... штаб... артиллерия...». Это ребята рассказывали партизанам все, что успели выведать за день о расположении и силе противника.

И нередко случалось, что под утро, когда особенно крепко спится, партизанский отряд внезапно налетал на врага, расположившегося в деревне. Партизаны громили штаб, уносили документы, взрывали боеприпасы и снова бесследно исчезали в лесу. Они хозяйничали в частях врага как хотели, потому что знали о нем все. Ведь недаром друзья из деревни каждый вечер прокрадывались на лесную поляну!

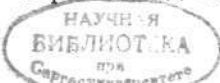
Горячо любят советские ребята родную Красную Армию. Всеми силами они помогают ей. Бойцы и командиры с чувством гордости и восхищения рассказывают о своих юных друзьях и помощниках.

В эти суровые для родины дни ребята будто повзрослели, стали сознательней, тверже, деловитее.

Удивляешься их находчивости, стойкости, бдительности, умению свято хранить тайны, блюсти интересы отечества.

Наши партизаны в тылу у врага совершенно не скрываются от ребят, потому что знают: никогда, ни при каких условиях—ни хитростью, ни угрозой, ни подкупом—не удастся фашистам заставить ребят выдать своих!

355687

Зато враг, попадая в наши края, окружен сотнями зорких разведчиков. Как пригодились теперь ребятам их военные знания, полученные в отрядах! Они все запоминают, отлично разбираются в военной технике врага и доставляют частям Красной Армии ценные сведения о нем.

...Каждый день на фронт, в Действующую Красную Армию, приходят сотни писем и посылок. Их шлют ребята доблестным защитникам родины. С волнением читают красноармейцы горячие, полные ненависти к фашистам письма ребят. С волнением и нежностью рассматривают они ребячьи посылки — фрукты, конфеты, носовые платки, вышитые девочками, трогательные записки с пожеланием здоровья, силы и победы над врагом...

А в тылу семьи красноармейцев, ушедших на фронт, ежедневно чувствуют заботу ребят. Пионеры сделались настоящими помощниками жен красноармейцев, старшими братьями и сестрами их ребятишек.

В тылу и на фронте стремятся юные патриоты своей помощью старшим приблизить гибель врага.

Продолжайте, ребята, свои благородные дела, изучайте военное дело, чтобы вырасти достойной сменой бойцам, чтобы быть настоящими защитниками родины!

Генерал-майор М. Громадин

«Я НЕ ТОРГУЮ РОДИНОЙ!»

Это случилось в Ленинградской области. В одном из районов, захваченных немцами, успешно боролся за свою родную землю партизанский отряд Николая Григорьевича В. Разъяренные фашисты направили туда карательную экспедицию. Четыре тысячи отъявленных головорезов, вооруженных автоматами, пулеметами, броневиками и танкетками, были брошены на поимку партизан. Гитлеровские мерзавцы врываются в деревни и издевались над населением, требуя выдать отважных советских людей.

...Когда рано утром немцы на автомобилях приближались к деревне Папоротно, 14-летний Миша Егоров побежал предупредить об этом партизан. Немцы кинулись за ним вдогонку и у леса схватили его. Солдаты привели мальчика в избу. Вскоре сюда же привели 14-летнего Мишу Дмитриева, 16-летнего Лешу Федорова и еще шестерых взрослых колхозников. Фашисты стали допрашивать:

— Где партизаны? Сколько их? Где их базы?

Никто не отвечал. Арестованных начали зверски избивать. Колхознику Барканову выбили глаз, Никитину выбили оба глаза. Но они молчали. Тогда всех — и взрослых и ребят — потащили в огород и там расстреляли. Первым, сраженный пулей, упал Миша Дмитриев. Через секунду был убит отец Миши, стоявший рядом с сыном. Потом немцы выстрелили и в Мишу Егорова. Он упал, но затем, окровавленный, тяжело приподнялся и крикнул:

— Смерть Гитлеру!

Вторая пуля оборвала жизнь отважного советского школьника. Лицо было обезображено до неузнаваемости, гитлеровские людоеды расстреливали свои жертвы разрывными пулями.

Пионеры и школьники! Запомните, как погибли ваши товарищи Миша Егоров, Миша Дмитриев и Леша Федоров. Никто из них не стал предателем. Советские ребята не изменяют отчизне. Вечная слава юным героям! Пусть еще сильнее разгорается в вашем сердце непримиримая ненависть ко всем немецким захватчикам! Смерть им!

Слушайте, что произошло дальше.

Ничего не добившись здесь, взбесившиеся фашисты ограбили население, сожгли деревню Папоротно и отправились в соседнее село Перстово.

Тут двуногие звери схватили председателя колхоза Павлова и кладовщицу-комсомолку Пелагею Михайлову. Они били ее плетьюми и палками. Девушка обливалась кровью. Но каждый раз на вопрос: «Где партизаны?» — мужественно отвечала душегубам:

— Ничего не знаю!

Вдоволь наиздевавшись над ней и стариком Павловым, палачи расстреляли их.

Не нашли бандиты и в этом селе изменников. Тогда изверги принялись истязать детей. Верно, думали, проклятые, что слабы духом наши ребята, что их удастся запугать, а то и просто задобрить, подкупить. Не на таковских напали, кровавые гады! Советские дети — верные сыны и дочери своего народа. У бойцов и командиров любимой Красной Армии учатся они мужеству и стойкости. У восьми комсомольцев, повешенных в Волоколамске, и у тысячи других героев учатся они презирать смерть.

Фашисты пытали и допрашивали Володю и Анатолия Нилиных. Фашисты мучили и допрашивали Маню Павлову и Настю Антонову. Их били плетьюми. Человеку страшно от одного вида этих кровожадных бандитов, вооруженных до зубов, с омерзительным знаком черепа и скрещенных костей на рукавах. Но школьники смело смотрели в глаза врагу. Никто из славной четверки не опозорил своих родителей, своих учителей, свой отряд. Не уронили они чести советского мальчика и советской девочки, ибо честь — сильнее смерти. Превозмогая страшную боль, напрягая последние силы, 13-летний Анатолий Нилин гордо сказал:

— Я не торгую родиной!

Его избили до полусмерти...

Вот как ведут себя настоящие пионеры перед лицом смертельного врага. Вот на каких юных борцов, юных ленинцев-сталинцев надо равняться тебе, пионер. Будь таким же непоколебимым, стойким, безгранично преданным сыном матери-родины! Жизнь — самое дорогое, что есть у человека. Но если это потребуется для родины, для блага своего народа, — отдай и жизнь. Родина, отчизна советскому человеку дороже жизни.

А. Второв

МИША ДАВИДОВ

Я не знаю, как отважился Миша Давыдов на такой поступок. Как решился он, окруженный врагами, действовать так дерзко и смело. Но как бы то ни было, о поступке этого пионера должны узнать советские ребята. И те, кто его никогда не видел, пусть добрым словом помянут славного своего товарища, пусть расскажут о нем своим друзьям.

...Миша Давыдов решил перерезать немецкую линию связи. Он знал, где проложен провод, по которому фашисты связывались со своим штабом, передавали приказы и донесения. Инструментов у Миши никаких не было. Он взял дома большой кухонный нож и пошел к намеченному месту. Его никто не остановил, он благополучно добрался до цели, перепилил своим ножом крепкий металлический провод и пошел обратно. Но тут ему не посчастливилось — он наткнулся на часового. Часовой отвел к офицеру.

— Кто разрешал тебе поздно ходить? — спросил офицер.

Миша объяснил: он ходил к колодцу, мать больна, воды надо.

А не слыхал ли он, спросил офицер, что-нибудь о партизанах? Миша сделал удивленное лицо. Партизан? Это что такое? А как это слово будет по-русски?

Офицер не хотел больше разговаривать с глупым мальчишкой. Пусть он идет. Миша тронулся к двери, но дальше двери он не пошел — ему преградил путь Пантелей Наседкин, староста, которого назначили немцы, предатель.

— Зачем его отпускать, господин офицер? — сказал староста. — Отец его у красных, а сам он вот что учинил...

...Мишу пытали, хотели, чтобы он ответил, кто научил его перерезать связь. Он молчал. Его снова мучили. Он не произнес ни слова. Наконец, когда уже и сам офицер и все солдаты устали, офицер сказал:

— Последний раз спрашиваю, кто тебе сказал резать немецкую связь?

Он вынул револьвер и поднес к лицу мальчика: — Скажешь?

— Скажу, — ответил Миша. — Это мне сказал Сталин.

Офицер выстрелил.

Труп пионера подобрали красноармейцы, которые вышибли фашистов из села. Историю его смерти рассказали случайные свидетели расправы. Мишу Давыдова хоронил весь наш батальон.

Младший политрук Г. Конотоп

Самолет летел высоко-высоко, гул мотора еле доносился до земли. На этом участке фронта стояла необычная тишина, особенно необычная после сильной артиллерийской дуэли, разыгравшейся с вечера. Самолет кружил настойчиво—видно, именно это место он и искал. Наконец, он стал снижаться. Белый веер распустился за хвостом, и на зелень стали падать белые бумажки. Ветром несло их далеко на запад, они легли на льняное поле, и в густой орешник, и в заросли на берегу реки. А у самой земли порыв ветра отнес стаю бумажек на восточный берег. Здесь они и остались лежать в густой траве, и роса пропитала их насквозь.

Вот такой мокрый лист бумаги и нашла рано утром недалеко от своего дома Оля Гречихина, ученица шестого класса.

Наверху листа большими буквами было написано: «Die Wahrheit».

«Правда», — мысленно перевела Оля.

Внизу на снимке она увидела разбитый самолет со знаком свастики.

«Значит, наша газета, — решила Оля. — Ой, она, наверное, для немцев, а упала к нам. Вот неудача!».

Потом Оля разобрала заголовки: «Письма из дому», «Правда о фашистских вожаках»... — и подумала, как важно, чтобы немецкие солдаты там, по ту сторону реки, узнали всю эту правду.

Вечером она поделилась своими мыслями с подругами.

— Тут самолет листовки разбрасывал, газеты. Много к нам залетело. Много, наверное, в речку упало и в болоте застряло. А что, если их прямо немцам раздавать?

— То есть как это раздавать? — удивились девочки.

— Ну вот, я возьму немного газет, листовок, на ту сторону пойду и там рассую.

— Ну, а если поймают немцы?

— Скажу, что к тетке шла, там тетка у меня.

— А если листовки найдут?

— Не найдут! Я уже думала. Мы, как Ленин прятал, спрячем.

— То-есть как «как Ленин»?

— А помните, нам читали? У Ленина чемодан был, там два дна, под одно он газеты клал и так провозил, и жандармы не могли найти.

— Ты что же, с чемоданом пойдешь?

— Зачем с чемоданом? Вот у нас для ягод корзинки плетеные есть. Мы туда еще одно дно влетем, вставим, сверху ягод насыплем, а под дно газеты, листовки...

Так и решили. Для начала Оля пошла одна.

Лесная дорожка петляла и кружилась. С ветки на ветку перепархивали птицы, внизу на земле стлались изрезанные, в зубчиках, листья. Под каждым листом скрывались две, три, а то и четыре ягоды. Земляники в этом году уродилось тьматмущая, а собирать было некому: кто пойдет собирать землянику, когда вокруг то и дело рвутся снаряды!

Оля шла по дорожке, часто нагибалась, собирая крупные ярко-красные ягоды. Уже почти вся корзинка была полна ими. Она шла медленно, напевая какую-то песенку, когда внезапно грубый окрик заставил ее вздрогнуть:

— Wer ist da?

Девочка остановилась, подняла вверх глаза. Из-за куста прямо на нее смотрело дуло автомата. Она ничего не сказала и только показала рукой в сторону деревни.

— Кто есть? — переспросил часовой на ломаном русском языке.

— К тете я, к тете! — сказала Оля, стараясь интонацией передать часовому, куда именно она идет. Для убедительности она еще раз показала рукой на деревню, а потом на корзину: мол, ягоды несу.

Немец оглядел девочку, подумал несколько секунд и потом крикнул:

— Schneller, марш!

Не оглядываясь, побежала Оля по дорожке. Вот уже село, вот и дом тетки. Ставни заколочены, в доме пусто, по двору бегают беспризорные куры.

На улицу вышла соседка.

— Ты откуда пришла, Оля? — спросила она.

— Да вот кофту у тети оставила; теперь холодает, забрать надо. Вот шла, чуть немец не убил.

— Ах ты неразумная! Как же за кофтой да через фронт-то шла?

По улице шагали немецкие солдаты. Один из них, очевидно унтер-офицер или ефрейтор, подошел ближе. Он понимал по-русски, и соседка, всплеснув руками, стала рассказывать ему о глупой девочке, которая за кофтой шла через фронт. Ефрейтор загготал.

— За кофта? — сказал он. — Гм... клюпый русски!

И пошел дальше по улице.

— Я, тетенька, вечером обратно не пойду. У вас переночую, — сказала Оля.

— Ночуй, ночуй, я тебя не гоню... Что же ты одна-то будешь в пустом доме делать?

— Кофту найду и приду к вам.

К соседке Оля пришла часа через два. Раню утром, как только встало солнце, она ушла обратно. В корзине не было ягод, но лежала старая потрепанная кофта. Часом позже проснулись немецкие солдаты. Потягиваясь, вышли они во двор, и у двери, на плетне, у колодца каждый, буквально каждый находил газету, где большими буквами было написано: «Die Wahrheit» — «Правда».

«Правда?» — думали солдаты. — Что же это за «Правда»? Надо посмотреть».

И они поднимали газеты и читали речь товарища Сталина по радио. Многие, начав читать, уже не отрывались от газеты.

Унтер-офицеры и ефрейторы поздно спохватились: они побежали будить начальство, стали ловить и отбирать газеты, рвали их на мельчайшие клочки, топтали ногами. Оплеухи сыпались во все стороны. Солдаты виновато козыряли. Они говорили, что подняли случайно, не читали, не знали, что это такое. Но кто знает, сколько газет со словами большевистской правды осталось в солдатских ранцах, в разных потайных местах?!

Так помогла фронту пионерка Оля из деревни, название которой мы когда-нибудь скажем.

Политрук С. Гарбузов

РАЗВЕДЧИКИ

Капитан Сергеев стоял на опушке леса, прислонившись к высокому развесистому клену. В руках у него был бинокль, и он внимательно оглядывал высоту, что лежала впереди него за рекой. В оперативных приказах и донесениях эта высота называлась Безымянной, и сегодня к вечеру подразделение, которым командует Сергеев, должно было во что бы то ни стало эту высоту взять. Отсюда, с опушки, и извилистая река, и высота Безымянная, и деревья за ней видны были, как на ладони. Белые, желтые, черные клубы дыма покрывали склон: вражеская артиллерия и минометы пытались помочь своей пехоте. Справа, там, где на самодельных плотиках и щитах переправлялась через реку пехота, разрывали воздух пулеметные очереди. Откуда-то издалека, из соседнего леса, ухали гаубицы.

Сергеев смотрел в бинокль и чертыхался. Фуражка его с черным артиллерийским околышем была сдвинута далеко на затылок.

«Откуда он, чорт, бьет?»—задавал сам себе вопрос капитан. «Он» — этот миномет противника — беспокоил капитана вот уже минут сорок. Все другие огневые точки врага были уже вскрыты, по ним вели огонь наши батареи, а этот миномет фашисты так искусно запрятали, что даже капитан Сергеев, о чутье которого в части рассказывали легенды, не мог его обнаружить.

Вокруг наблюдательного пункта в кустах сидели часовые. Связисты в блиндажах твердили свое неизменное: «Ростов, Ростов, говорит Саратов». Капитан отошел от клена и подошел к себе разведчика.

— А ну, залезайте на дерево, — сказал он и дал ему бинокль.

В этот момент один из часовых насторожился и крикнул кому-то в кусты:

— Стой, куда идете?

— К вам! — раздался звонкий детский голос.

— Куда к нам? — недоумевая, спросил часовой.

— К начальнику.

Ребята подошли ближе.

— А что вам нужно от начальника? — спросил часовой.

— А мы хотели рассказать...

Тут разговор услышал капитан Сергеев.

— Пропусти их, Герасимов, — сказал он. — Подойдите сюда, ребята. Что хотите сказать?

Мальчики повеселели.

— Дяденька капитан, мы из Селезневки, у нас там немцы...

— Как же вы прошли?

— А мы у мельницы, вон там, видите, лощинка?..

— Так, так... — Капитан посмотрел на ребят. — Лет-то сколько вам?

— Мне двенадцать, — сказал старший, — а ему вот десяти.

— Итого, значит, двадцать два? Возраст вполне призывной! Ну что же, рассказывайте, что там у вас в Селезневке.

Добровольцы-разведчики рассказывали весьма невнятно и невразумительно. Да, у немцев стоят три пушки. Одна в лесу, другая рядышком в роще, а третью они подкатили к гумну. Но вот, где гумно, где лесок и что за роща, этого-то ребята и не могли объяснить.

Капитан подумал, потом подвел ребят к опушке, снял с шеи бинокль и дал старшему.

— На вот, посмотри на свою Селезневку.

Мальчик поднес бинокль к глазам и вскрикнул от удивления:

— Ой, как близко!

— Ну вот. Теперь рассказывай, где пушки стоят. Все видишь?

— Вижу, вижу. Вон, вон лесок. Видите, где школа? Школа белая, а от нее лесок левее.

— Дай и мне, — попросил маленький.

Получив бинокль, он несколько секунд смотрел, не говоря ни слова, а потом заявил:

— А вон в ту хату немцы пушку тащили, маленькую, толстую такую, без колес.

— Что ты говоришь? — насторожился капитан. — Без колес, говоришь, маленькая, толстая? В какую хату?

— Вон, видите, вон в ту новую, она еще без крыши.

— Без крыши, говоришь? Так...

Капитан задумался. Дом без крыши, маленькая, толстая пушка... Ишь что придумали! Так вот где проклятый миномет, который он ищет уже час!

— А ну, Грицаенко, передай артиллеристам: ориентируйся шесть ноль-ноль четыре вправо, два снаряда!

Бесстрастным голосом связист передал приказ на огневые позиции. Два снаряда один за другим полетели и легли чуть левее домика, на который указывали ребята.

— Передай: ноль один вправо! — скомандовал капитан. — Беглым, огонь!

Около самого домика взметнулись огни разрыва.

Миномет больше не стрелял. На переправе оживились наши пехотинцы: они быстро выскакивали на противоположный берег, тут же окапывались и открывали огонь по фашистам.

Так началась боевая деятельность двух маленьких разведчиков, которые с того дня и остались в отряде капитана Сергеева. Назовем их Валя и Гриша.

Ребята прекрасно знали каждую тропинку в этих местах. Капитан часто советовался с ними. Вот и сейчас они сидят в лесу у большого стола. Откуда попал в лес этот стол, так никто и не знает. Вероятно, его оставила какая-то другая часть, ранее здесь сражавшаяся. С правого края стола две дыры — это следы осколков.

Сидит капитан Сергеев и напротив него юные разведчики. Он обдумывает план ночной операции. Приказ командования был краток: достать и привести в штаб «языка». Немцы снимали с этого участка потрепанные части и заменяли их новыми. Нужно было во что бы то ни стало узнать, откуда эти новые части прибыли. Капитан смотрит на карту и мысленно представляет себе местность, по которой разведчики пойдут на охоту за «языком». Время от времени он обращается к ребятам:

— Вон там, у мельницы, балку знаете?

— Это какая?—спрашивает Валя.—Которая к торфо-разработкам?

— Она самая. Так эта балка, она выходит к чьему дому в селе-то?

— К Ипатьевскому,—вмешался в разговор Гриша.

— У них дома есть кто?

— Нет, все ушли. Дом забит.

— А в сарай пройти можно?

— Можно.

— Так, так. А из того сарая в соседний двор можно пройти?

— Там дыра в сарае еще давно проломана. С Ипатьевскими ребятами мы там играли.

— Вот что, ребята... — Капитан посмотрел на них строго и решительно. — Дело к вам есть, большое дело. Справитесь—молодцами будете. Нужно привести к нам сюда живого немца. Так поймать его надо, чтобы другие не услышали. Проберитесь-ка к себе в Селезневку, тихонько пройдите по улице, далеко не заходите, высмотрите, где часовые стоят и где немец один стоит или вдвоем, и потом приведите к этому дому наших разведчиков. Поняли?

— Поняли, — в один голос сказали мальчики.

— Не струсите?

Ребята ничего не ответили.

— Ну, это я пошутил, — сказал Сергеев, — знаю, что не струсите... Не хотелось вас посылать, да вот надо.

Когда стемнело, бойцы вывели ребятшек за линию наших караулов. Они шли боковой, чуть заметной тропинкой. У старого, сгнившего моста, от которого остались лишь сваи, перебрались на другую сторону речушки и спустились в балку. Балка привела их к дому Ипатьева. Кругом было тихо, на улице никого не было. Ребята вышли из ворот и пошли по селу. Из-за ставен соседнего дома вырывались тонкие лучи света. Они подошли к дверям и слышали чужую, незнакомую речь и звон посуды.

— Ужинают, — сказал Валя.

— Да-а-а, — подтвердил Гриша.

— Тут их много...

— Ну да, много, — согласился Гриша.

— Пойдем в другое место.

— Пойдем.

Ребята пошли дальше по улице.

У школы они остановились.

— Что такое? Весь двор белый, как зимой.

Гриша нагнулся и поднял несколько клочков бумаги. Это все, что осталось от школьных учебников и ученических тетрадей. Немцы разорвали их и выбросили на двор.

Видно, и та правда, что напечатана в наших учебниках, и те слова, что написаны в школьных тетрадках, страшили фашистов.

Ребята пошли дальше. Не сделали они и пяти шагов, как Валя больно стиснул Гришину руку. Впереди, на картофельном поле, что-то шевелилось.

— Часовой. И один. Вот здорово!

Валя потянул Гришу за руку, и они тихо, чуть слышно ступая, стали отходить назад.

Минут через пятнадцать они уже были на противоположном конце лощины, там, где ожидали их разведчики.

А еще через час капитан Сергеев допрашивал взятого в плен немца. По документам и письмам, отобранным у солдата, было установлено, какая часть расположилась в Селезневке и откуда она прибыла. Пришлось и пленному развязать язык. Он рассказал о противотанковых пушках, спрятанных в лесу, и о складе боеприпасов.

Пленного увели в штаб.

Капитан Сергеев поставил на стол большую миску с горячими щами и тарелку соленых огурцов.

— Ну вот, кушайте,—сказал он ребятам,—а потом спать.

Уже светало, когда ребяташки, прижавшись друг к другу, крепко уснули под кустом на мягком мху. Они не проснулись даже, когда вновь заухали наши гаубицы, и не видели, как в роще за школьным двором, усеянным обрывками учебников и тетрадей, вспыхнуло зарево. Кругом разносился гул. Это горел подожженный нашей артиллерией немецкий склад боеприпасов.

Политрук С. Гарбузов

ЮНАЯ РАЗВЕДЧИЦА

После ночного марша артиллерийская часть остановилась на отдых. Командованию нужны были сведения о противнике. Достать эти сведения командир поручил младшему лейтенанту Свиридову.

Группа разведчиков двигалась вдоль леса, пересекла поле и вошла снова в лес. Вдруг справа раздался шорох. Разведчики насторожились.

— Товарищ командир, — тихо сказал красноармеец Айропетян, — здесь кто-то есть.

Неожиданно метрах в пяти от разведчиков из кустов выползла девочка.

— Я Лида Комарова, — сказала она красноармейцам. — В нашей деревне расположились немецкие артиллеристы. Я с вечера ищу штаб Красной Армии.

Разведчики, следуя за девочкой, пошли к деревне А. И действительно, за околицей стояли артиллерийские орудия фашистов.

Разведчики засекли расположение огневых точек.

— В соседней деревне тоже немцы, — сказала девочка.

Младший лейтенант Свиридов вместе с красноармейцем Айропетяном решили разведать и вторую деревню. Лида осторожно вела их по знакомым тропинкам. Путь был трудный. Местами приходилось итти по колено в воде.

Выйдя на опушку леса перед деревней У., Лида предупредила разведчиков, что здесь вчера вечером она видела немецких мотоциклистов.

Младший лейтенант приказал красноармейцу Айропетяну итти метрах в 200 справа. Сам же он вместе с девочкой двигался лесной тропинкой. Вскоре тропинка вывела на проселочную дорогу. Здесь младший лейтенант с красноармейцем снова пошли вместе.

Деревня была уже недалеко, но никаких признаков немецких мотоциклистов не было.

— Они хитры, — сказала Лида. — Они спрятались.

Младший лейтенант Свиридов решил перехитрить фашистов и выстрелил в лес. Ответа не было.

Еще раз выстрелил, и вот справа вырвались языки пламени. Немцы, открыв стрельбу, выдали себя. Выйдя из обстреливаемого участка, разведчики направились влево и вскоре наткнулись на проволочное заграждение, устроенное фашистами.

Немецкие солдаты, узнав о появлении красных разведчиков, пустили осветительные ракеты. Ракеты высоко взмыли над лесом, озарили его, как мощные прожекторы. В это время впереди мелькнула тень.

— Немецкий часовой! — решил красноармеец Айропетян и, подкравшись, ударил фашиста прикладом, навалился на него и заткнул ему рот. Захватив пленного, разведчики вместе с Лидой Комаровой отходили в расположение своей артиллерийской части.

Разведчики доложили командиру об огневых точках противника, а захваченный пленный, придя в сознание, сообщил дополнительные сведения.

Командир части, обращаясь к девочке, сказал:

— Молодец, Лида! Ты настоящий, догадливый разведчик. Так должны поступать все пионеры и школьники. Нужно всегда сообщать нам о расположении врага. Объявляю вам благодарность, товарищ Комарова.

Рано утром Лида вернулась домой. Немецких артиллеристов в деревне уже не было. Их уничтожила советская часть.

В. Чернышов

ВОВКА-ПАРТИЗАН

Когда Вовка Рябенко пришел в наш партизанский отряд, первое, что я подумал, было: «Ох, не было бы нам горя с этим парнем...»

Партизанская жизнь — не игра. Она тяжела и опасна. Жилье — лес. Постель — еловые ветви. Потолок — высокое небо. Пища — какая придется, а иногда и вовсе никакой. А опасностей сколько угодно, на каждом шагу. Мы — люди взрослые. Мы шли на все это с открытыми глазами. Целью нашей жизни стало — победить врага, истребить захватчиков, выгнать их с нашей земли. Ясное сознание этого помогало нам переносить все. Но мальчик... Как вынесет все это мальчишка? Хватит ли у него воли, энергии, настойчивости, наконец, просто физических сил, чтобы долгие дни жить такой напряженной жизнью? Не подведет ли он нас, не струсит ли, когда столкнется с опасностью лицом к лицу? Так думал я. И поэтому пусть простят мне читатели «Пионерской правды», вовкины сверстники, что я не совсем доброжелательно отнесся к тому, что в нашем отряде появился мальчик. Но делать было нечего. Отправлять его обратно в деревню, занятую немцами, из которой он убежал, мы не могли, оставить его одного в лесу, разумеется, тоже нельзя. И Вовка стал партизаном.

Жизнь его до войны была проста и несложна, и рассказать ее можно в пяти строчках. Ему 14 лет. Он родился и вырос в деревне. Летом работал в колхозе, зимой учился в школе. Имел множество товарищей. Больше всех книг любил военные книги, больше всех игр — военные игры.

Жизнь его в партизанском отряде продолжалась 108 дней. И об этом коротко не скажешь.

Боевое крещение

В тот самый день, когда к нам пришел Вовка, нам предстояло серьезное дело. Мы попали в такое положение, что для того, чтобы продолжать нашу работу, мы должны были прорвать линию немецкой обороны и углубиться в тыл. Нас было немало, но немцев больше. Вооружены мы были неплохо, но противник лучше нас.

Покуда длился бой, я совсем забыл о Вовке. Сначала мелькнула мысль — надо бы его поближе к себе держать, а потом забыл обо всем на свете, кроме того, что надо прорваться во что бы то ни стало. Бой был жаркий. И победа осталась за нами. Стремительной атакой мы прорвали линию обороны противника и углубились в лес. Тут я вспомнил, что во время боя я ни разу не видел Вовки. Неужели погиб? Или, может быть, струсил — как-никак первый бой. Собрал отряд. Первый вопрос: «Где Вовка? Кто из вас видел его, товарищи?» И вдруг из темноты раздается голос: «А вот он я, здесь!»

Смелость плюс смекалка

Вовка не хотел сидеть без дела. Он требовал работы, причем не какой-нибудь, вроде того, чтобы таскать ветки для костра или варить обед. Он требовал боевых заданий. И мы, посоветовавшись, решили поручить ему одно дело. Мы должны были пробраться к интересующим нас объектам. Где-то неподалеку от нас находились немецкие части. Поручили Вовке разведать. И он отправился в разведку. Вернулся точно в назначенное время. Военным шагом прошел через полянку, стал на вытяжку и отрапортовал. Видно, он на обратном пути репетировал это свое первое донесение, потому что выпалил его одним духом, как скороговорку.

— В деревне, что северо-западнее места нашего расположения, находится немецкий штаб. На опушке леса — зенитные пушки. В деревне староста-предатель. Крестьяне немцев ненавидят. Все!

Все. Больше нам ничего и не надо было. По совету Вовки мы выбрали маршрут и двинулись.

Вовка стал нашим разведчиком. Он оказался, несомненно, смелым человеком. Но, кроме этого, у него было еще одно неоценимое для разведчика качество — находчивость. Он попадал в такие переплеты, где другой давно бы уже голову сложил. Он разговаривал с немецкими офицерами, сидел в

немецких блиндажах, даже в штабе, но неизменно приходил с ценными сведениями и без единой царапины. Один раз, правда, ему прострелили шапку, но это была единственная «рана» за все 108 дней.

Он собирался в деревни, занятые немцами, спокойно, как будто шел в родное село. У него, как и у всех нас, была шинель, он оставлял ее, надевал старенькое пальтишко и отправлялся в путь.

Навстречу попадались немцы.

— Откуда, русс? — спрашивали они Вовку.

Он показывал уздечку, предусмотрительно захваченную с собой: вот, мол, коня ищу.

Что видел Вовка

Много видел Вовка во время своих путешествий по немецким тылам. Он видел, как немцы повесили двух братьев-школьников 12 и 14 лет только за то, что те проходили по дороге, где накануне была взорвана немецкая машина. Он видел, как фашисты изрезали одному сельскому врачу лицо, заподозрив, что он партизан. Он видел, как немцы, заняв один дом, выбросили из него на снег больную женщину, которая не могла передвигаться...

Многое видел Вовка Рябенко. И если он пришел к нам в отряд, мечтая о приключениях и военных подвигах, то за эти дни, увидев врага в лицо, он, как и мы, взрослые люди, стал мстителем.

В походе

Нет ничего хуже в походе хныкающего, малодушного человека. Пусть будет тяжело, пусть палит солнце, пусть хлещет ледяной дождь, пусть мороз обжигает щеки—все можно перенести, если люди держатся крепко.

Нам предстоял длинный и трудный переход. По дорогам идти опасно. Мы выбрали окольный путь. Горы, овраги, местами снег по пояс, да вдобавок еще жестокий мороз. Пошли. Вовка идет рядом со мной, не отставая ни на шаг, пыхтит, но идет.

— Может, остановимся, отдохнем, а, Вовка?

— Это из-за меня-то отдыхать?! — Он даже задохнулся от обиды.

Вовка шел и шел вперед, не отставая от меня ни на шаг. Только, когда мы уж добрались до цели, он лег у костра, уснул и не проснулся даже тогда, когда его будили ужинать.

«Вовкина каша»

Отряд обязан Володе изобретением способа приготовления каши из необмолоченной пшеницы. Раньше мы варили ее как есть, в кожуре. Варили часами, и никогда никто из нас не мог определить, когда же, наконец, можно считать, что она уже сварилась. Сколько ни варили, она получалась крутой и застревала в горле. Вовкин способ состоял в следующем: прежде всего пшеница жарится, потом толчется рукояткой штыка, потом варится обычным порядком. Каша получалась превосходная.

Мы все очень сдружились за эти 108 дней. Общие опасности, бои, походы сблизили нас всех.

Но пришла пора расставаться. Отряд сделал свое дело. Мы вышли из лесов. Многие из нас вернулись восстанавливать разрушенное немцами. Другие поехали на фронт. Вот и я уезжаю, а Вовка остается, ему надо учиться. Он просил взять его с собой. Но ничего не поделаешь! Он должен учиться, я должен воевать. Мы еще встретимся с ним.

Бывший командир Н-ского партизанского отряда

К. Пономарчук

ЛЮБИМЕЦ ОТРЯДА

В одном из наших партизанских отрядов был мальчик. Попал он к нам случайно. Мы встретили его темной ночью в лесу, в глухом месте. Слышим: кто-то сквозь кусты пробивается.

— Кто идет?

А из темноты детский, но грубоватый голос отвечает:

— Кузьма.

Он шел по каким-то хозяйственным делам в соседнюю деревню.

— Как же ты, Кузьма, не боишься по ночам ходить? Кругом немцы.

— Я немца не боюсь, — отвечает он.

— А кого же ты боишься?

Он помолчал немного, подумал.

— А, пожалуй, что и никого не боюсь, — сказал он. Так, неторопливо, с достоинством сказал, что мы не выдержали и захохотали.

До утра он остался с нами. А утром стали мы разглядывать, что за Кузьма такой, бесстрашный человек. На вид ему лет 13, росту небольшого, ходит слегка переваливаясь. Щеки толстые. Мальчик, как мальчик.

— Ну, вот что, Кузьма, ты иди по своим делам. И зря не болтай, мы тебя не видали, ты нас не видал. Понял?

Он посмотрел на нас, постоял.

— А, пожалуй, я никуда не пойду, с вами останусь.

— Скажи, пожалуйста, — говорит командир, — будто его кто приглашал! Да на что ты нам нужен?

— Нужен, — ответил Кузьма, — вот увидите сами, нужен.

Так убедительно сказал, что мы, взрослые люди, ведущие суровую, опасную жизнь, вдруг сразу ему поверили.

Дом Кузьмы стоял поодаль от деревни. Отец его сам собирался идти в партизаны. Мы потом познакомились с ним.

У нас в отряде были кони. Кузьма взял на себя заботу о них. Делал он все неторопливо, но основательно. Наши кони были всегда вычищены, накормлены, напоены, в любую минуту можно было оседлать их и ехать.

Кузьма хорошо знал местность и обычно, когда мы выезжали на саних большой партией, он ездил с нами. Выберет лошадь, усадит на сани человек двенадцать, а сам — за кучера. И можно быть спокойным: доставит быстро.

Он ездил в колхозы за продуктами для отряда. Готовил для нас баню. Сам дров натаскает, истопит, — и пожалуйста мыться.

Давали мы ему и боевые задания. Все сведения, которые он привозил, были всегда точными и проверки не требовали.

Однажды был такой случай. Соседнему партизанскому отряду грозила серьезная опасность. Надо было проехать незамеченным и быстро сообщить им об этом.

Позвали Кузьму. Вот, мол, какое дело, надо выручить отряд, скачи как можно быстрее. А какое тут скакать! Ночь. Лес. На пути овраги, пни, коряги. Один километр за десяток покажется.

Через час слышим топот. «Кто же это едет, — думаем, — неужели нас открыли?»

— Кто идет? — окликает часовой.

— А это я, Кузьма, — слышим из темноты знакомый милый голос.

— Ты что же это вернулся с дороги? — спрашиваем. — Не доехал?

— Ничего я не вернулся, — говорит Кузьма, — я был там и все, что надо, сказал.

— Ну, что за Кузьма, что за молодец такой! — сказал командир. — Ну, что бы мы без тебя делали? Как бы мы обошлись без тебя?

— А, пожалуй, что и обошлись, — ответил, подумав, Кузьма.

* * *

Выгнали немцев из нашего города Клина. Все партизаны вышли из лесов. Дел у нас много, надо восстанавливать все, что разрушили, загадили немцы. Но каждый из нас помнит и любит Кузьму, неторопливого, ясного человека, славного нашего помощника.

Бывший комиссар партизанских
отрядов Клинского района Н.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Они лежали в балке, укрытые густой травой и непроходимой стеной орешника. Шесть партизан, шесть неразлучных товарищей. Три недели назад они даже не знали друг друга: двое ухаживали за льном в своем колхозе, двое ткали бязь на текстильной фабрике, пятый стоял за прилавком райпродмага, а шестой учился в железнодорожном училище. Лютая ненависть к фашистским захватчикам сроднила их, спаяла в маленький боевой коллектив.

Много дней они партизанили по фашистским тылам, а сейчас подошли к линии фронта. Надо было перейти на ту сторону реки, к своим. Карта у командира отряда была испещрена кружочками, стрелками и цифрами, которые обозначали пункты сосредоточения и пути движения немецких войск. Эту карту нужно было как можно скорее передать нашему командованию, а тут, как на зло, у реки развернулся бой. Приходилось ждать ночи.

Где-то совсем близко застрекотал фашистский пулемет. Командир партизанского отряда, пожилой ткач с реденькой русой бородкой, в синей с белыми крапинками косоворотке, насторожился.

— Костя, — сказал он самому молодому члену отряда, ученику железнодорожного училища, — глянь-ка, что там.

Костя выбрался из балки и, бесшумно раздвигая орешник, вышел на прогалину. То, что он увидел, заставило его сердце забиться сильнее. Река в этом месте изгибается, делает крюк, берег высокий, обрывистый. Воспользовавшись этим, два фашистских пулеметчика забрались сюда и теперь поливают с фланга нашу пехоту. Костя даже побелел от злости.

Забыв об осторожности, он во весь рост побежал обратно и, захлебываясь от волнения, рассказал командиру отряда, что видел.

— Василий Прокофьевич, разрешите снять гадов, — просил Костя.

— Как же ты их снимешь?

— Вот, — и Костя вынул из кармана маленькую круглую гранатку.

— Нет, нельзя. Шум поднимется — и сам пропадешь и нас выдашь. А у нас сведения, это поважнее пулемета.

— Ну, тогда я их тихо, бесшумно, — и Костя положил руку на рукоятку кинжала.

— Горячее у тебя сердце, Костя, это хорошо. Только придержи ты его, а то раньше срока пропадешь.

— Ты разреши ему, Василий Прокофьевич, — вмешался в разговор другой партизан. — Ведь наших, гад, косит! Парень он ловкий, выскочит.

Командир задумался. В это время пулемет затарахтел вновь.

— Ну иди, Костя, — сказал он, — только осторожнее. И потом... сразу к нам не приходи. Может, погоня будет. Сам понимаешь, сведения... Отсидишься, потом приползешь.

Последние слова командира Костя слышал уже на ходу. Он выбрался из орешника шагах в тридцати от вражеских пулеметов. Немцы-пулеметчики лежали к нему спиной — один приподнявшись за щитком пулемета, другой на самой земле, у ящиков с лентами.

Костя пополз. Фашисты стреляли короткими очередями, и как только начиналась стрельба, Костя, быстро перебирая руками и ногами, ползком продвигался вперед. Кинжал он вытаскил из ножен и сунул за пазуху.

Вот уже враг совсем близко. Костя видит, как пулеметчик пригнулся к диску и, закусив губу, нажал гашетку пулемета.

«Раньше лежащего, — решает Костя, — а потом этого, что бьет».

Прыжок — и кинжал почти до половины вонзается в шею фашиста. Двумя руками Костя вытаскивает его и, что есть силы, ударяет в бок второго, занятого стрельбой. И сразу пулемет смолк. Стало тихо. Так тихо, что Костя даже испугался и метнулся было к орешнику, но потом вспомнил о пулемете и остановился.

А как же пулемет? Так и оставить его? Вот бы гранаткой! Нет, нельзя, шум поднимется!

Костя прислушался. Никто не шел. Бой развертывался не слишком удачно для фашистов, и им было не до смолкшего пулемета.

Во второй раз подобрался Костя к пулемету, отвинтил крышку, вытащил замок, сунул в карман.

— Ну, теперь пусть постреляют!

И он стал быстро уползать в кусты.

Только через час, твердо установив, что никто его не ищет, вернулся парень к своим, а когда стемнело, отряд перешел реку, добрался до штаба и отдал драгоценную карту. Потом все шестеро пошли в соседнюю деревню, забрались на сеновал и крепко уснули: до этого три ночи подряд они не смыкали глаз.

Политрук С. Гарбузов

ДОЧЬ ПАРТИЗАНА

Когда немцы заняли село Новоселье, председатель сельсовета Михаил Иванович Пыренко ушел в партизаны. Немцы шарили по лесам, разыскивая его отряд. Но не нашли.

В селе остались жена Михаила Ивановича Ольга Андреевна и их дочь Маня, тринадцати лет.

Немцы арестовали Ольгу Андреевну и стали выпытывать у нее, где и с кем находится ее муж. Ольга Андреевна ответила, что не знает. Немцы настаивали. Ольга Андреевна молчала.

Тогда ее повесили на сельской площади как жену партизана. Согнали весь народ поглядеть на виселицу, чтобы запугать других колхозников. Избу сожгли.

Маню Пыренко приютили соседи. Она была невысокая, белокурая, с косичками, с большими смеющимися глазами, — мы видели ее фотографию.

Как-то раз к Мане пришел переводчик из немецкого штаба. Он вошел в избу, сел за стол и сказал:

— Здравствуй, девочка.

— Здравствуйте.

— Тебя зовут Маня?

— Маня.

— Вот и отлично, — сказал переводчик, будто обрадованный тем, что нашел, кого искал. — Ты здесь живешь?

— Здесь.

— А где твой папа?

— Не знаю.

— Не знаешь, не знаешь! — сказал переводчик и побарабанил пальцами по столу. — Как ты можешь не знать, когда к тебе недавно пришло письмо от папы?

Это была правда: несколько дней тому назад пришел от Пыренко посыльный и передал его дочери письмецо от отца и подарочек — корзинку, сплетенную из коры березы.

— Не знаю,—повторила Маня.

— Ну, хорошо, — ответил переводчик и быстро встал. — Пойдем к офицеру, он хочет с тобой поговорить.

Они пошли в немецкую комендатуру. Здесь за столом сидел офицер, а в углу стояло несколько колхозников, которых он допрашивал. Офицер хорошо говорил по-русски. Увидев Манию, он сказал:

— Подойди-ка сюда. Тебя зовут Маня?

— Да.

— Тебе сколько лет?

— Тринадцать.

Офицер помолчал, потом сказал:

— Видишь ли, Маня, твоя мать была плохой женщиной, очень плохой. Она не желала нам помогать, сколько мы ее ни просили... Ты понимаешь меня?

— Понимаю.

— А ты должна нам помочь, — сказал офицер. — Германская армия отблагодарит тебя. Ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— Итак, нам надо знать, с кем ушел твой отец, а также где он находится. Нам известно, что ты это знаешь. Мы не сделаем ему зла. Мы приведем его сюда, и он будет жить с тобой. Тебе все понятно? Да?

— Да.

— Ну вот, ты расскажешь нам, а я запишу. — Он вынул перочинный нож и стал аккуратно чинить карандаш. — Только не надо врать, — сказал он, — за вранье мы строго накажем.

— Я не буду врать.

— Вот и отлично! Ты хорошая девочка. Ведь ты не боишься нас?

— Не боюсь.

— Ты все расскажешь, правда?

— Да.

— Ну, молодец! Возьми конфетку.

— Не хочу.

— Возьми, возьми. Ты получишь много конфет, когда расскажешь нам все, что мы просим. Поняла? А теперь рассказывай... Подойди сюда, сядь на стул и рассказывай.

— Я расскажу, — сказала Маня, — я расскажу...

Она подошла к столу, села на стул, пригладила волосы, повертела в руках карандаш, как бы собираясь что-то писать, затем схватила со стола перочинный нож и изо всех сил ударила им в грудь немецкого офицера.

...Сейчас село Новоселье отбито у немцев. Труп казненной фашистами Мани Пыренко не найден. Но возле избы,

где происходил ее допрос, наши бойцы соорудили скромный памятник: холмик, обложенный разноцветными камешками, деревянный обелиск с вырезанным на нем знаменем и красно-армейской звездой. На обелиске надпись: «Девочке Мане от Красной армии. Вечная память!».

Вечная память! Мы не забудем Мани Пыренко. Мы впишем ее светлое имя в список героев, павших за родину. И в грозный час расплаты отомстим фашистским палачам за эту детскую кровь.

Е. Габрилович

ЮНЫЕ ЗАЩИТНИКИ МОСКВЫ

Фашистские воздушные пираты почти каждую ночь пытаются напасть на Москву.

Но заградительный огонь зенитных батарей и советские истребители рассеивают вражеские самолеты далеко на подступах к Москве. В город удавалось прорваться только одиноким.

Народ бдительно охраняет свою столицу. Пожарные дружины быстро тушат зажигательные бомбы и возникающие от них пожары.

Хочется мне рассказать о юных патриотах Москвы, которые вместе со взрослыми самоотверженно защищают свой любимый город.

...Было нестерпимо жарко и дымно. Горели лесоматериалы. В пяти метрах от пожара группа подростков перетаскивала брусья, делая просеку, чтобы не дать огню переброситься дальше. Среди них не было ни одного взрослого. Они работали молча, не останавливаясь ни на минуту.

Когда я подошел к ним, один из них сказал мне: «Нужно бы сюда подтянуть пожарные рукава, а то резина погибнет». — И мальчик указал на деревянную изгородь, около которой лежали автомобильные покрышки.

Я им предложил разобрать изгородь и перекатить покрышки в безопасное место.

— А ну, давай, ребята! — скомандовал белокурый подросток лет 15. Он первым ринулся вперед. Там нестерпимо пекло. Большими кольями ребята ломали дощатый забор и выкатывали покрышки. Вдруг в воздухе пронзительно засвистело, завизжало...

— Ложись! — скомандовал кто-то из ребят.

Задрожала земля, и глыбы ее вместе с горящей древесиной взлетели в воздух. Взорвалась фугасная бомба.

Когда после разрыва бомбы я взглянул туда, где работали ребята, я увидел их снова за перекаткой покрышек. Их мужество взволновало меня. Я спросил, откуда они и как их зовут.

— Мы вон из того большого дома, — ответил белокурый паренек. — Я Копейкин Ваня, а вот тот...

Не успел он назвать имя своего товарища, как снова с пронзительным свистом пролетела бомба. Инстинктивно мы все прижались к земле. Бомба упала в низине, где протекал маленький ручеек.

К этому времени были проложены пожарные рукава, и вода из брандспойтов с треском хлынула на огонь. Постепенно жар спадал. Ребята все работали. Делали они свое дело дружно, слаженно, самоотверженно. Изредка раздавался голос Вани Копейкина: «Давай, давай, нажми!». И его приятели Слава Чудовин, Ваня Гапонов, Женя Лейман и другие с еще большей энергией продолжали работать.

* * *

А вот другой мальчик, Коля Купцов.

— Ну, как самочувствие? — спрашиваю его.

— Ничего, товарищ политрук, на одно только ухо хуже слышу.

— Это пройдет! — ободряют его друзья.

В первый налет фашистских самолетов на Москву Коля стоял на посту на крыше двухэтажного дома. Когда воздушный разбойник стал сбрасывать зажигательные бомбы, Коля указывал молодежному противопожарному подразделению, куда они падают, и благодаря этому бомбы были быстро потушены. Но вот неподалеку взвизгнула фугасная бомба, и силой взрывной волны Купцова вместе с трубой сбросило с крыши. Вскочив на ноги, он со всеми ребятами побежал помогать пожарникам тушить пожар. Только после того, как все было потушено, Коля пошел к врачу.

* * *

— Не успела наша машина остановиться, — рассказывал начальник смены Н-ской пожарной команды, — как ко мне подбежал запыхавшийся мальчик лет 14—15 и скороговоркой выпалил: «Товарищи пожарники, скорей, вон там сейчас будет пожар, упала зажигательная бомба... Я погасил уже пять штук, сильно ожег руки, шестую не мог...».

Начавшийся пожар мы потушили быстро. После я искал смелого пионера, хотел поблагодарить его, но так и не разыскал.

Много их, бесстрашных ребят, которые вместе со взрослыми самоотверженно защищают любимую столицу.

Старший инструктор политотдела
Главного управления пожарной охраны НКВД СССР
политрук А. Шебалков

АЛЕША ОБОРОТОВ

Алеша Оборотов—сын машиниста. Ему 14 лет. Худенький, но сильный подросток. Черные смелые глаза. Энергичен, быстр в решениях и в исполнении. Он был предводителем во всех мальчишеских затеях. Ребята охотно подчинялись ему, потому что любили своего вожака, хотя всегда немножко завидовали ему, его смелости, ловкости, силе.

Но настоящий характер Алеши Оборотова проявился в те дни, когда наш город был захвачен немцами. Правильней будет сказать, что эти дни оформили и закалили характер Алеши. Он всегда был смелым, но опасность сделала эту смелость обдуманной и рассчитанной. Он всегда ненавидел врагов, но тут он увидел их лицом к лицу, и ненависть заставила его действовать. Он всегда презирал опасность, но тут он научился презирать самую смерть.

В родной город ворвалась орава бандитов. Мы все с ненавистью смотрели на них. Оборванные, вшивые и наглые, они ходили по тихим улицам нашего Ельца. Алеша видел, как фашист заставил разуться одного старшеклассника, и тот уже без валенок, в одних носках бежал по снегу домой.

Фашисты располагались в домах елецких жителей. Хотели было занять и алешин дом. Но Алеша помешал этому. Как только он увидел, что немцы направляются к их двору, он крикнул:

— Бонго, Бобик, сюда!

Мохнатые псы подбежали к своему хозяину.

— Возьми их, ату!

Послушные собаки рванулись к подходившим солдатам, и те, струсив, убежали.

Алеша зажил обостренной, лихорадочной жизнью. Никто не руководил им, никто не помогал ему. Он сам решил, что ему делать. Прежде всего узнать о немцах все, где протянута связь, где расположился штаб, где скопились войска. Он ходил по улицам, все выслеживал и запоминал. И ждал, ждал... Но наших все еще не было. И не хватало терпения ждать. Только наблюдать—это было не в его натуре, он хотел действовать. Но что делать? Он решил посоветоваться с домашними.

— Мама, — сказал он, — я узнал, где проходит главный немецкий провод, как думаешь, что если я перережу его?

Мать и тетя—в слезы:

— Погибнешь, Алешенька...

Он молчал. Мать решила, что он отказался от своей затеи, но он и не думал отказываться, он просто обдумывал, как лучше это сделать.

И этой же ночью связь была прервана. Он сделал это бесшумно и ловко, как настоящий разведчик.

Но этого было ему мало. Что еще можно сделать?

Однажды ему случилось найти раненого красноармейца. Как это произошло, установить не удалось. Известно, что Алеша перевязал ему раны и спрятал в безопасное место.

Красная Армия подходила к городу. Немцы забеспокоились и уже собирались удирать.

Алексей сразу догадался об этом... Соседка потом рассказывала, что Алеша прибежал к ней радостный и закричал: «Тетя Дуня, немцы удирают... Значит, наши близко!» Посидел немножко за столом. Обхватил голову руками, задумался. Потом, видно, решил что-то. Тряхнул головой и пошел.

Он шел быстро и решительно, пробираясь к восточной окраине города. Он встретил наши части за соцгородком. Он рассказал командирам все, что знал,—недаром он так внимательно следил за немцами.

Алексей торопил бойцов: «Скорее, скорее, а то они успеют удрать». Но бойцы и так не собирались мешкать. Части Красной Армии двигались на Елец. И вместе с ними Алеша Оборотов.

Алеша знал, что на Красноармейской улице засели пулеметчики. Он вел туда красноармейцев окольными путями. Несколько метких выстрелов—и одно за другим замолчали три пулеметных гнезда.

А Алеша идет дальше. Он помнит сарай на Ровенской улице. Там засели бандиты. Гранаты в ход! Двенадцать фашистов сидели в сарае. Десять из них так и остались там лежать.

Алеша спешит. Бьет пулемет на Землянской улице. Алеша знает чердак, где засел пулеметчик. Скорей туда!.. Он выглядывает из ворот, осматривает улицу. Кругом пусто, тихо. Но не догадался Алеша поднять голову вверх... В ветвях березки, притаившись, сидела «кукушка»—немец с автоматом наготове. Алеша еще раз осмотрелся и вышел из прикрытия. Резкий звук выстрела. Прожужжала пуля, пущенная из автомата, и впиалась Алеше Оборотову в шею. Он упал. Видно, он умер мгновенно. Не успела даже сойти улыбка с лица. Улыбка, с которой он собирался идти на опасный свой подвиг.

...Алешу хоронили вместе с бойцами, павшими в битве за наш город. Ему, мальчику, воздали воинские почести, потому что он был бойцом, смелым, отважным бойцом, который отдал свою жизнь, сражаясь за правое дело.

Учительница Т. П. Вознесенская

САША ЖУКОВ

Он пришел к нам, тихий и застенчивый, и сказал:

— Возьмите с собой. — Постоял еще с минуту, переступил с ноги на ногу и повторил так же робко и настойчиво:— Возьмите, немцев бить буду.

Наш капитан Новиков посмотрел на него и сказал нерешительно:

— Мал еще.

Но мальчик не уходил. Видно было: что бы ему ни сказали, он не уйдет отсюда, и такая решимость была в этом мальчишке, что капитан смягчился и сказал:

— Ну, ладно, оставайся пока.

И Саша Жуков остался с нами.

Мы потом уже узнали, кто он такой и как попал к нам. Село, где родился и вырос Саша, заняли немцы. Они ворвались туда пьяной, дикой оравой, всех жителей загнали в сарай. Там были и Саша с отцом и братом. Маты и сестренка убежали из села еще раньше. Говорили, что они соединились с партизанским отрядом, который действовал в окрестных лесах.

Саша решил во что бы то ни стало выбраться отсюда. Ночью он проскользнул мимо часовых и бежал. Долго бродил по лесу, искал мать, сестер, партизан. Никак не мог найти и вот попал к нам.

Так он с нами и остался.

Саша все просился в разведку. Однажды упросил-таки командира. Ему и медсестре Марусе дали ответственное задание. Оба переоделись в деревенское платье и отправились в дальний и опасный путь. Им надо было забраться в глубокий тыл противника и разведать, где расположены немецкие огневые точки. Нужно было установить, откуда летят снаряды, чтобы заставить замолчать фашистскую артиллерию.

Прошел день — нет наших разведчиков. Прошел второй. В дивизионе уже сильно беспокоились о судьбе Саши и Маруси. Вернулись они на рассвете. Оба усталые, но очень довольные. Саша подробно и точно рассказал, где расположены немецкие батареи, где сосредоточена вражеская пехота.

Скоро заговорила мощно и дружно наша дальнобойная артиллерия. Огневые точки противника были уничтожены.

Был с Сашей такой случай.

Он разузнал, что в соседней деревне, в одном из сараев, стоят четыре немецких танка. Ничего никому не говоря, он отправился в путь. Взял с собой бутылки с горючим и несколько гранат.

В деревне Саша встретил товарища по школе, Ваню. Саша рассказал ему, что собирается делать, и оба они выработали план.

Ваня пошел в обход, а Саша направился к часовому.

— Дядя, дай закурить.

— Рус мал, рус мал.

— Я уже большой, дядя, дай покурим, — не отставал Саша.

Саша закурил сигаретку и, давась от горького дыма, продолжал что-то говорить солдату, отчаянно жестикулируя, только бы тот не заметил Ваню.

Неожиданно раздался взрыв. Это Ваня бросил в сарай бутылку с горючим. Часовой кинулся туда, но поздно. Сарай был объят пламенем. Горели немецкие танки.

В суматохе Саша с Ваней незаметно скрылись.

...Много боевых историй можно рассказать о нашем славно-м товарище Саше Жукове, мальчике с душой воина.

Старший политрук С. Пикаев

Красноармеец О. Левитин

СЫН

...Он по несколько раз с горящими глазами перечитывал письма отца с финского фронта.

Да, отец ему попался настоящий. Он гордился своим отцом. Он рассказывал всем ребятам в школе о том, как красноармейцы бьют белофиннов, и авторитет его и в школе и в отряде вырос необычайно. На его белокурую голову ложился отсвет славы его отца.

Он никогда не забудет этого дня. Почтальон, как всегда, пришел после обеда. Володя бросился к нему. Давно не было писем с фронта. Почтальон подал ему конверт необычайной формы, странно посмотрел на него, ласково погладил по голове, быстро ушел, не сказав ни слова.

Все это не предвещало ничего хорошего. Мамы не было дома, и Володя до самого ее прихода не решался вскрыть странный конверт. Так и застала его мать заснувшим на подоконнике с вытянутым грустным личиком. Конверт был крепко зажат в руке.

Командование сообщало, что «лейтенант Илья Арсентьевич Козырев погиб смертью храбрых за родину».

В этот день окончилось его детство.

...Володе только что исполнилось четырнадцать лет, когда началась война с немцами. Он отдыхал в прифронтовой дере-

вне у тети с сестренкой Зиной, купался, ездил верхом. Но каждый вечер бегал в сельсовет за газетами. С дружкой Женей Яковлевым и седым пастухом Фролом Игнатьевичем они усаживались на завалянке и долго обсуждали сложные международные вопросы.

По случаю войны из прифронтового села эвакуировали детей. Мама была на работе в Ленинграде и не могла приехать за ребятами. Тетя увезла маленькую Зину. А Володя категорически отказался уехать. Он не спал целую ночь. Он долго, совсем не по-детски думал. На утро вместе с Женей Яковлевым Володя ушел в лес.

Фрол Игнатьевич сказал им, что в лесу расположились красноармейцы. Вот они и понесли бойцам две крынки молока и два каравай хлеба.

В лесу их встретил политрук. Поблагодарил за молоко и хлеб, внимательно выслушал просьбу: принять их в армию, чтобы бить фашистов.

Нет, сказал политрук, принять их в армию нельзя, они еще малы. Но помогать красноармейцам они могут. Притом же оказалось, что политрук на финском фронте слышал о володином отце, о героическом лейтенанте Козыреве, и даже находился с ним по-соседству.

Тут же политрук дал ребятам задание — сбегать в соседнее село, узнать, подошли ли туда немцы, сколько их, какие у них машины.

Это уже было настоящее боевое поручение. Володя и Женя прибежали в свое село. Жителей там уже почти не осталось, и даже Фрол Игнатьевич ушел со стадом.

В опустевшем отделении милиции они нашли две старые берданки, прихватили их с собой и побежали к соседнему селу. Не доходя до околицы, Володя заметил солдат не в нашей форме. Немцы... Он ухватил Женю за полу рубашки. Они упали на дно канавы. Они очень перепугались сначала.

Но ведь у них было боевое поручение. Спрятали берданки в канаве и пошли дальше. В селе действительно были немцы. Они хозяйничали там, резали кур, свиней. Немцы не обратили никакого внимания на двух босых ребятшек в выцветших голубеньких рубашках. Ребята прошли по всему селу. Володя сосчитал количество танков, машин, мотоциклов, сосчитал даже людей, которых встречал в селе. Ребята незаметно выбрались из села, взяли в канаве свои берданки и побежали в лес.

Политрук внимательно выслушал их, записал. Потом посмотрел на Володю теплыми, почему-то немного грустными глазами и прижал его к груди. У Володи намокли ресницы.

Ну, это уже было совсем ни к чему. Будто он, Володя, был не разведчиком, а какой-то девчонкой, нюней.

С этого дня началась боевая жизнь Володи Козырева.

Он встретил в лесу партизанский отряд под начальством одного коммуниста. В отряде ему и Жене дали настоящие винтовки и по 20 патронов. Отряд помогал Красной Армии, а Володя и Женя были первыми отрядными разведчиками.

Вскоре Володя стал уже заправским бойцом и достал даже две гранаты, которые носил у пояса.

В одном из походов он потерял своего друга Женьку Яковлева и очень горевал. Но начальник разведки красноармейской части старший лейтенант Жданов взял его к себе. Володя полюбил его, как старшего брата, и не расставался с ним. Ходил с ним в самые опасные разведки. Бойцы-разведчики очень привязались к белокурому, синеглазому мальчику. Так он и остался среди них — сын разведроты.

В разведке у Володи вскоре выработались свои приемы. Он шел впереди разведчиков, шел без винтовки и гранат, играл роль туповатого деревенского парнишки. Никто из фашистов не мог заподозрить в нем «знаменитого разведчика Володьку» («следопыта», как он втайне от всех называл себя), любимца всего соединения.

Старший лейтенант Жданов следил за ним из кустов. Если немцы уже вошли в село, Володька подавал условный знак: снимал правой рукой шапку, левой чесал голову, и тут уже Жданов сам соображал, что ему следует предпринять.

Когда несколько бойцов отстали от своей части и были отрезаны немцами, Володька получил особое задание. Он проник только ему знакомыми тропками в тыл к немцам и вывел бойцов к своим.

Тут уже сам полковник обнял Володьку, поблагодарил его и сказал, что он достойный сын своего отца. Это было высшей похвалой для Володи.

...И вот полк, в котором теперь состоял Володька, пошел в наступление. Перед полком шла разведка во главе с Ждановым. И в разведке, конечно, — наш Володя. Володя направился, как всегда, прямо в тыл к немцам. Видит, на перекрестке дорог — дощечка. А слова немецкие. В школе Володя имел по-немецкому «хорошо» — не то чтобы «отлично», но во всяком случае «хорошо». Прочел Володя слово «штаб» и еще какое-то слово. Что-то вроде «панцыря». А что это значит, понять не может. Пожалел Володя, что на «отлично» по-немецки не вытянул, но теперь уже ничего нельзя было поделывать. Подошел к селу, подсчитал незаметно немцев — и обратно.

Вернулся ночью. В лесу было страшновато. Сильно билось сердце. Но он был бойцом и разведчиком. Ему нельзя было бояться. К Жданову Володя добрался благополучно. И про дощечку штаба рассказал и про непонятное слово.

Старший лейтенант был очень доволен результатами разведки. Тут же сообщил их полковнику.

А на утро передовая рота пошла в атаку. Жданов категорически запретил Володе идти в бой.

— Твое дело — разведка, — сказал он ему, — очень большое и важное дело. Мы не можем рисковать тобой. Пойми, ты ведь уже взрослый парень, боец. Если что с тобой случится, полковник с меня голову снимет. Да я и сам... — тут Жданов не закончил и как-то странно посмотрел на Володю.

Володя обещал не ходить в атаку.

И не выполнил обещания. Он бросился в бой вместе со всеми бойцами. Он взял бутылку с горючей жидкостью и бросил ее в фашистский танк. Он стрелял из винтовки, и сам видел, как упал от его выстрела толстый фашист. И он вместе со всеми бойцами ворвался в деревню.

Он знал, Володя, что если бы его отец смотрел на него сейчас, он был бы доволен своим сыном.

Ал. Исбах

ЮНЫЙ ТОВАРИЩ

Наш танковый батальон получил приказ уничтожить фашистские укрепления и выбить противника из деревни.

Вечерело. Мы двигались медленно, перелесками, стараясь подойти незаметно к селу.

Выезжая на шоссе, я заметил чью-то тень. Открыл люк и стал всматриваться в темноту. Там стоял мальчик. Когда мой танк поровнялся с ним, мальчик поднял руку.

«Наверное, просит подвезти», — подумал я и остановил машину. Мальчик отдал пионерский салют.

— Куда, — спрашиваю, — идешь?

— В свое село. Фашисты там. Отец послал узнать, как с хозяйством, а заодно, где стоят орудия. И еще про часовых велел разузнать.

— А отец где?

Мальчик показал на черневший вдалеке лес.

Пробираясь обочиной, мальчик нашел ящик с патронами и винтовку и теперь остановил нас, чтобы передать все это.

Мы поблагодарили Мишу (так звали мальчика) за патроны и двинулись дальше. А он скрылся во ржи.

Была темная ветреная ночь. Тяжелые танки медленно поползли в село. За танками шла пехота.

Немцы не ожидали нашего прихода. Когда раздались выстрелы, они повыскакивали из своих укрытий и стали беспорядочно палить из автоматов. Наши танкисты с яростью набрасывались на вражеские танки, подминали их, гусеницами давили фашистов. Над селом стоял страшный грохот, лязг.

К рассвету бой окончился. Враг в панике бежал. Кругом валялись исковерканные немецкие орудия. Догорали подбитые танки.

Вернувшись на сборный пункт, мы недосчитались одного своего танка. Ждали до полудня—танк не вернулся. Обыскали все место боя, соседние перелески—ничего не нашли. Мы уже считали экипаж погибшим. Было очень грустно, что мы больше никогда не увидим этих смелых комсомольцев, не раз смотревших смерти в глаза.

Прошло три дня. Как-то вечером меня вызывают, говорят, парнишка один спрашивает. Я вышел и сразу узнал мальчика, который передал нам на шоссе патроны. Он подошел и тихонько говорит:

— Товарищ командир, там, в перелеске, у болота наш танк стоит...

«Откуда же там танк?» — думаю.

— Я даже подползал к нему,—продолжал Миша.—Немцы залезли на танк, стучали и кричали что-то. Сам видел...

С группой бойцов я отправился в разведку. Миша вел нас по каким-то, ему одному известным, тропинкам, через овраги и густой ельник.

— Место это опасное,—предупреждал он нас.

И действительно, где-то близко загрохотало орудие...

— Видите, вон густой кустарник, около кривой сосны, там и стоит!—показывал Миша.

Мы осторожно подползли к кустарнику. Там, действительно, стоял наш танк. Гусеница была повреждена, и он двигаться не мог.

Стали мы советоваться, как же его вывезти. Мишутка и говорит:

— Вы подвезите другой такой танк вон в тот перелесок и пошумите гусеницами. Немцы подумают, что мы наступаем, и кинутся туда, а мы тем временем перевезем этот танк.

Мне понравилась эта мысль. Так и сделали. Через некоторое время два наших танка с грохотом въехали в перелесок.

Вышло так, как и предполагал Миша: всю силу огня на-

правили фашисты в сторону перелеска. Воспользовавшись этим, мы вывели подбитый танк.

Три дня осаждали враги советских танкистов, пытаясь их взять живыми. Пока были патроны, экипаж отстреливался. Но патроны кончились, и танк замолчал. Фашисты взбирались на него, кричали, стучали в броню, требовали от экипажа, чтобы он сдался.

— Никогда! — сказали танкисты. — Лучше смерти!

Немцы поставили условие: если к вечеру танкисты не откроют люк, они взорвут танк.

И вот во-время подоспела к ним помощь.

Я подвел Мишу к танкистам.

— Его благодарите, — говорю, — он спас вам жизнь.

Командир танка подошел к мальчику и пожал ему руку.

— Спасибо, товарищ! Спасибо от меня и от товарищей! — взволнованно сказал он.

...Недавно я получил из части письмо. Пишут, что Мишутка остался там жить. Все просится в атаку. Хороший из него вырастет боец!

Старший лейтенант

Н. Колесов

МЫ — ГВАРДЕЙЦЫ

Роста Леонид Партизанов совсем не гвардейского. Он головой по плечо любому из своих именитых однопольчан. Годами он также не вышел. Ему пятнадцать лет.

...Наши войска проходили через колхоз. Леонид пристал к обозу и покинул родное село.

Вначале он работал на походной кухне, чистил картошку. Можно подумать, что он всю жизнь занимался этим делом. Он чистил картошку с мастерством виртуоза и трудолюбием человека, познавшего в прошлом радость физического труда.

Однажды командир приказал молодому красноармейцу сесть на коня. В этот день солнце светило для Леонида жарче, чем обычно. На войне товарищ по оружию, заслуживший уважение в бою, быстро становится другом твоей собственной семьи. Вскоре Леонид знал наизусть, как стихи, все письма, которые получали от родных лихие кавалеристы.

Партизанов стал хорошим разведчиком. Подросток боялся одного: если немцы его поймут и повесят, то «придется кому-то другому снова идти в разведку, и время будет потеряно!». Однажды Леонид раньше положенного срока разведкал количество и позиции боевых точек в деревне, занятой немцами. Поэтому он позволил себе «подзаняться немецким язы-

ком» возле танков, которые он обнаружил, возвращаясь в полк. Паренек не вызвал подозрений у фашистских танкистов... Все сведения он доставил в часть во-время. Командование в наступлении на деревню учло дополнительные данные, полученные от разведчика. Деревня была занята.

Самолеты противника яростно гонялись за эскадроном. Леонид до сих пор не может забыть, как он перекатился однажды через голову коня. Но его никто тогда не упрекнул. Он не нарушил чести эскадрона, свалившись на землю. Кавалеристы знают, как тяжело потерять на войне верного друга. Леонид обжег руки горячей гривой, прощаясь с конем, убитым осколком бомбы.

Последнее время Леонид был подносчиком пулеметных дисков. Гвардейский пулеметный расчет действовал бесперебойно, истребляя немцев. Первый и второй номера были всегда спокойны, когда их юный товарищ уходил в очередной рейс. Они верили в его силу, проворство и мужество.

Январь был на исходе. Стоял крепкий мороз. Хороший артиллерист обычно распознает голос родного орудия. Для Леонида треск своего пулемета служил маяком, когда он пробирался в снегах, сквозь огненный шквал. Подросток нес три диска. Было тяжело их нести. Леонид не сразу осознал, что его ранило. Мины завывали вокруг, словно спущенные с цепи дикие собаки. Юный гвардеец продолжал идти вперед с драгоценной ношей. Затем он пополз. Белый, чистый снег стал темнеть перед глазами. Но он продолжал ползти вперед. Он добрался до пулеметного гнезда и потерял сознание. Было трудно разжать руки, которыми он прижимал к груди пулеметные диски. Диски были покрыты обледенелой кровью. Юный гвардеец был ранен осколком мины, в правую руку!

Когда извлекли осколок, он держался с безмолвным спокойствием. Глядя с уважением на раненого, врач осведомился, какой он части.

— А мы — гвардейские! — ответил Леонид Партизанов и сердито посмотрел на осколок. Во время перевязки он дружелюбно разглядывал операционную. Ему нравились темпы, самообладание и выносливость, с которыми здесь работали врачи и сестры. Уходя, он товарищески протянул хирургу здоровую левую руку.

Леонид Партизанов прибыл в Н-ский фронтовой госпиталь в феврале. Раненого вымыли в бане, подстригли, переодели, сытно накормили. Его принимала военврач Р. Б. Поликанова. На больную руку была наложена повязка с хлорамином.

Первые сутки юный гвардеец отсыпался, храпя, как Илья Муромец. Няни и сестры, забегаая в палату, пришли к еди-

ному мнению, что этот раненый потребует немало внимания и особой заботы. Они еще не знали, кто он такой.

Вторые сутки раненый провел в «разведке». Леонид уяснил дислокацию хирургического отделения; разведаль, где находится штаб — кабинет начальника отделения; связался с батальонным комиссаром Пестовым — политруком отделения; заглянул в кубовую, столовую, лениуголок, дежурку санитаров; приметил посты палатных сестер, зафиксировал в памяти все позиции расположения лекарств, кружек, чайников с кипяченой водой, грелок, а также комнатной посуды, столь необходимой для раненого, недвижно лежащего на кровати.

— Гвардейской души человек! — отозвался на третьи сутки о нем стрелок, раненый в ноги.

Стрелок звал санитару или сестру, чтобы поправить валик под коленями, сбившийся в сторону. Когда сестра и санитар вместе явились в палату, все уже было в полном порядке. Мучительный приступ боли, испытываемый раненым, прекратился. Валик лежал на месте, осторожно поправленный левой рукой Леонида.

— Надо равняться по гвардейцу, дорогие друзья, — сказал пришедшим раненый красноармеец. Со своего наблюдательного поста на кровати он весь день любовно следил за Леонидом. — Человек сам ранен, а печется о нас, словно у него четыре руки, а не одна! — говорил красноармеец. — Сегодня он мне сам принес чаю. Три стакана принес по-одиночке!

В настоящее время Леонид тачает сапоги. Начальник обозно-вещевого снабжения А. Гальперин был очень доволен, когда в сапожной мастерской появился такой замечательный работник. За короткий срок Леонид быстро научился делать деревянные гвозди, дратву, шить в два конца, разбирать сапог, тачать голенища. Он продолжает ходить на перевязку. У него строгий режим, но он успевает читать взятые в госпитальной библиотеке, произведения любимых поэтов — Павло Тычины и Пушкина.

У Леонида нет родителей. Он воспитанник украинского колхоза «Червонный партизан». Отсюда его фамилия — Партизанов. В прошлом он трудился на колхозных полях. В Действующей армии он с первого дня войны. Он ранен на родных полях, задымленных огнем сражений и обогранных кровью защитников родины. Когда он нес тяжелые диски, он мысленно подсчитал, сколько немцев вроеет в землю пулеметная очередь. Когда он, раненый, полз к пулемету, он продолжал думать не о своей жизни, а о смерти врага. Он воспитанник старших однопольчан. Отсюда его звание: гвардеец.

Елизавета Ратманова

355687

ВОЙНА И ДЕТИ

Тыловая железнодорожная станция на пути к фронту. Водонапорная башня. Два прямых старых тополя. Низкий кирпичный вокзал, опоясанный густыми акациями.

Воинский эшелон останавливается. К вагону с кошелками в руках подбегают двое поселковых ребятнишек.

Лейтенант Мартынов спрашивает:

— Почем смородина?

Старший отвечает:

— С вас денег не берем, товарищ командир.

Мальчишка добросовестно наполняет стакан верхом, так, что смородина сыплется на горячую пыль меж шпалами. Он опрокидывает стакан в подставленный котелок, задирает голову и, прислушиваясь к далекому гулу, объявляет:

— «Ханкель» гудит... Ух!.. Ух! Задохнулся. Вы не бойтесь, товарищ лейтенант, вон они наши пошли истребители. Здесь немцам по небу прохода нет.

Он подхватывает кошелку и мчится дальше. У вагона остается его белобрысый, босоногий братишка, лет семи отроду. Он сосредоточенно прислушивается к далекому гулу зениток и серьезно объясняет:

— Ось! Там вона бухает...

Лейтенанта Мартынова это сообщение заинтересовывает. Он садится на пол у дверей и, свесив ноги наружу, поедая смородину, спрашивает:

— Гм! А что же, хлопец, на той войне люди делают?

— Стрыляют, — объясняет мальчишка, — берут ружье или пушку, наводят... и бах! И готово.

— Что готово?

— Вот чего! — с досадой восклицает мальчишка. — Наведут курок, нажмут, вот и смерть будет.

— Кому смерть — мне? — и Мартынов невозмутимо тычет пальцем себе в грудь.

— Да ни! — огорченно вскрикивает удивленный непонятливостью командира мальчишка. — Пришел якийсь то злыдень, бомбы на хаты швыряет, на сараи. Вот там бабку убили, двух коров разорвало. О то чего, — насмешливо пристыдил он лейтенанта, — наган нацепил, а как воевать, не знает.

Лейтенант Мартынов сконфужен. Окружающие его командиры хохочут.

Паровоз дает гудок.

Мальчишка, тот, что разносил смородину, берет рассерженного братишку за руку и, шагая к тронувшимся вагонам, протяжно и снисходительно ему объясняет:

— Они знают! Они шутят! Это такой народ едет... веселый, отчаянный! Мне один командир за стакан смородины бумажку трехрублевую на ходу подал. Ну, я за вагоном бежал, бежал, но все-таки бумажку в вагон сунул.

— Вот!...—одобрительно кивает головой мальчишка.— Тебе что? А он там на войне пусть квасу или ситра купит.

— Вот дурной!—ускоряя шаг и держась вровень с вагоном, снисходительно говорит старший. — Разве на войне это пьют? Да не жмись ты мне к боку! Не крути головой. Это наш «И-16» — истребитель, а немецкий гудит тяжело, с передыхом. Война идет на второй месяц, а ты своих самолетов не знаешь!

* * *

Фронтальная полоса. Пропуская гурты колхозного скота, который уходит к спокойным пастбищам на восток, к перекрестку села, машина останавливается.

На ступеньку вскакивает хлопчик лет пятнадцати. Он чего-то просит. Скотина мычит, в клубах пыли шелкает длинный бич. Тарахтит мотор, шофер отчаянно сигналист, отгоняя бестолковую скотину, которая не свернет до тех пор, пока не стукнется лбом о радиатор. Что мальчишке надо? Нам непонятно. Денег? Хлеба?

Потом вдруг оказывается:

— Дяденька, дайте два патрона.

— На что тебе патроны?

— А так... на память.

— На память патронов не дают.

Сую ему решетчатую оболочку от ручной гранаты и стреляную блестящую гильзу.

Губы мальчишки презрительно кривятся:

— Ну вот! Что с них толку?

— Ах, дорогой! Так тебе нужна такая память, с которой можно взять толку? Может быть, тебе дать вот эту зеленую бутылку или эту черную, яйцом—гранату? Может быть, тебе отцепить от тягача вот ту небольшую противотанковую пушку? Лезь в машину, не ври и говори все прямо.

И вот начинается рассказ, полный тайных недомолвок, уверток, хотя в общем нам уже все давно ясно.

Сурово сомкнулся вокруг густой лес, легли поперек дороги глубокие овраги, распластались по берегам реки топкие

камышевые болота. Уходят отцы, дяди и старшие братья в партизаны. А он еще молод, но ловок, смел. Он знает все лощинки, последние тропинки на 40 километров в округе.

Боясь, что ему не поверят, он вытягивает из-за пазухи завернутый в клеенку комсомольский билет. И, не будучи вправе рассказать что-либо больше, облизывая потрескавшиеся, запыленные губы, он ждет жадно и нетерпеливо.

Я смотрю ему в глаза. Я кладу ему в горячую руку обойму. Это—обойма от моей винтовки. Она записана на мне. Я беру на себя ответ за то, что каждая выпущенная из этих пяти патронов пуля полетит точно в ту, куда надо, сторону.

— Как тебя зовут?

— Яков.

— Послушай, Яков, ну зачем тебе патроны, если у тебя нет винтовки? Что же ты из пустой кринки стрелять будешь?

Грузовик трогается. Яков спрыгивает с подножки, он подскакивает и весело кричит что-то несуразное, бестолковое. Он смеется и загадочно грозит мне вдогонку пальцем. Потом, двинув кулаком по морде вертевшуюся около корову, он исчезает в клубах пыли.

Ой нет! Этот паренек заложит обойму не в пустую кринку.

★ ★ ★

Перед боем на берегу одной речки встретил я недавно парнишку.

Разыскивая пропавшую корову, чтобы сократить путь, он переплыл реку и неожиданно очутился в расположении немцев. Спрятавшись в кустах, он сидел в трех шагах от фашистских командиров, которые долго разговаривали о чем-то, держа перед собой карту.

Он вернулся к нам и рассказал о том, что видел.

Я у него спросил:

— погоди! Но ведь ты слышал, что говорили их начальники, это же для нас очень важно?

Паренек удивился:

— Так они же, товарищ командир, говорили по-немецки!

— Знаю, что не по-турецки. Ты сколько окончил классов? Девять? Так ты же должен был хоть что-нибудь понять из их разговора?

Он уныло и огорченно развел руками:

— Эх, товарищ командир! Как бы я про эту встречу знал раньше...

* * *

Пройдут годы. Вы станете взрослыми. И тогда в хороший час отдыха после большой и мирной работы вы будете с радостью вспоминать о том, что когда-то, в грозные дни для родины, вы не болтались под ногами, не сидели сложа руки, а, чем могли, помогали своей стране в ее тяжелой и очень важной борьбе с человеконенавистным фашизмом.

Аркадий Гайдар

Саратовское областное государственное издательство. 1942.

Отв. за выпуск *И. Фомин.*

Корректор *З. Чуднова.*

Подписано к печати 20/VII 1942 г. НГ18470. Уч.-изд. л. 2,2. Печ. л. 2³/₄.
Знаков в бум. листе 78.000, Тираж 25.000. Цена 55 коп.

Саратов. Набрано в типографии изд-ва „Коммунист“.
Отпечатано в типографии № 1 Полиграфиздата. Заказ № 3006.

Ar 14-48